
В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУР

В. М. АЛПАТОВ

О ДИЛЕТАНТИЗМЕ В ОСВЕЩЕНИИ ФАКТОВ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА И ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ

(По поводу книги Дж. Даймонда «Ружья, микробы
и сталь»)

Многие современные американские исследователи склонны игнорировать научные результаты, полученные вне США, особенно за пределами англоязычных государств. Примером может служить научно-популярная книга Дж. Даймонда «Ружья, микробы и сталь», посвященная древнейшей истории человечества. В частности, вся проблематика, связанная с японскими историей, языком и письменностью, изложена в книге с ошибками, а все, что сделано в этой области в Европе, России и Японии, вовсе не рассматривается.

***Ключевые слова:** Дж. Даймонд, древнейшая история, Япония, японский язык, иероглифика.*

Недавно вышел в свет русский перевод научно-популярной книги американского антрополога Дж. Даймонда «Ружья, микробы и сталь», посвященной истории человечества (М.: АСТ; Corpus, 2010). Книга богата материалом, содержит много известных и малоизвестных фактов, хорошо написана, легко читается, к тому же неплохо переведена. Я не собираюсь оценивать всю книгу, поскольку по многим затрагиваемым в ней вопросам не являюсь специалистом. Однако, обратившись к освещению Дж. Даймондом фактов, связанных с японским языком и японской письменностью – предметом моих исследований, – а также японской историей в целом, я увидел, что почти каждое упоминание этих сюжетов (в целом не занимающих много места) содержит ошибки.

Дважды, например, повторена идея о желательности отмены иероглифов (обсуждавшаяся в Японии во второй половине XIX века

и первой половине XX века, но к настоящему времени окончательно отвергнутая). «Япония продолжает использовать свою ужасно громоздкую иероглифическую письменность *кандзи*, предпочитая ее рациональным компактным системам вроде алфавита или собственной слоговой азбуки *кана*, – потому что престиж, связанный с *кандзи*, по-прежнему велик» (с. 372). «В Японии и Корее престиж китайской культуры до сих пор настолько высок, что Япония и не думает отказываться от своей заимствованной из Китая системы письменности, которая не слишком хорошо подходит для передачи японской речи» (с. 503).

Между тем японская система письменности, используемая уже более тысячелетия, лишь частично заимствована из Китая, включая в себя действительно китайские по происхождению иероглифы, упомянутую Дж. Даймондом исконно японскую *кану*, а сейчас также иногда и латинское письмо. Проблема приспособления китайских иероглифов к «передаче японской речи» была решена еще в первом тысячелетии новой эры: корни слов (кроме новых заимствований) обычно пишут иероглифами, а грамматические элементы – *каной*. Иероглиф в Японии соответствует не слову, как утверждается в книге (с. 326), а корню, который может иногда совпадать со словом, но в большинстве случаев не совпадает; окончания пишутся *каной*, а сложные слова, очень частые в японском языке, – несколькими иероглифами по числу корней.

Про *кану* сказано, что она используется «в телеграммах, банковских отчетах и текстах для слепых» (с. 326). Но *кана* – это не азбука, а общее название для нескольких азбук, из которых сейчас используются две: *хирагана* и *катакана*. Сфера употребления этих азбук гораздо шире, чем обозначенная Дж. Даймондом: обе они используются практически в любом тексте, но в разных функциях. Грамматические элементы и некоторые наиболее частые слова пишутся *хираганой*, а *катакана* теперь в основном предназначена для написания новых заимствований из западных языков, преимущественно английского (эти слова сейчас иногда пишутся и латиницей). Телеграмма – не пример текста, где употребляется *кана*, а пример текста, где употребляется *только кана*.

Наконец, сохранение иероглифики сейчас уже никак не зависит от влияния китайской культуры: японское письмо – давно часть национальной японской культуры; его, конечно, сложный характер не помешал Японии уже к началу XX века (раньше, чем в России) достигнуть сплошной грамотности. А тексты на японском языке, записанные латиницей, кириллицей или чистой *хираганой* (или *ка-*

таканой), с трудом читаемы из-за сильной омонимии, поэтому их избегают.

Еще пример: «В японском языке до сих пор существуют формы местоимений второго лица, которые употребляются только при обращении к императору» (с. 424). До недавнего времени в Японии действительно некоторые слова употреблялись только в отношении императора (точнее, членов императорской фамилии). Но, во-первых, после 1945 года они уже не используются, а во-вторых, среди них никогда не было местоимений второго лица. По правилам японского этикета эти местоимения допустимы лишь по отношению к близким людям или к низшим, а при обращении к вышестоящим, к которым, разумеется, относится император, о собеседнике надо говорить в третьем лице.

В послесловии к переизданию книги автор пишет, что восполняет пробел первого издания, в котором из-за отсутствия доступных ему данных не рассказывалось о доисторическом периоде Японии. И далее: «Сегодня на основании недавно полученных генетических данных можно утверждать, что современная японская нация сформировалась в результате сельскохозяйственной экспансии.... Это была экспансия корейских земледельцев, которые примерно с 400 года до н. э. начали заселять юго-западную Японию и, продвигаясь на северо-восток, со временем колонизовали весь Японский архипелаг. Неся с собой интенсивное рисовое земледелие и металлические орудия труда, эти люди смешивались с коренным населением (народом, родственным современным айнам). От этого смешения и происходят нынешние японцы» (с. 642–643).

Получается, что еще в 90-х годах XX века древнейшая японская история была неизвестна, а положительные данные дала лишь генетика. Но если генетические данные действительно стали использоваться недавно, то археологические и лингвистические данные известны уже давно и активно изучаются более столетия, правда, в основном в Японии и Европе (лингвистический материал – и в России), а не в США. В том числе известно, что волн колонизации было две, а не одна, как утверждает Дж. Даймонд. И первой волной, происходившей задолго до новой эры, была австронезийская.

Австронезийской экспансии посвящена целая глава книги, но Япония в связи с ней не упоминается. Следующая же волна переселения в Японию уже в первые века новой эры была связана с алтайскими народами, к которым действительно относятся и корейцы (а также тюрки, монголы и тунгусо-маньчжуры); однако переселенцы с материка в Японию, как свидетельствуют данные языка,

отделились от предков современных корейцев намного раньше. Именно их язык был предком японского языка, эта гипотеза известна с XIX века, а недавно ее доказал выдающийся российский ученый С. А. Старостин. Японский язык имеет алтайское происхождение, но испытал также австронезийское влияние. Эти два источника легли и в основу японской культуры. А вот вклад айнов в японский язык (как и в японскую культуру в целом) невелик, и его можно сопоставить с индейским компонентом в американском варианте современного английского языка. Айнский пласт лексики значителен в топонимике: не только топонимика Хоккайдо почти целиком происходит из айнского языка, но и название знаменитой горы *Фудзи* некоторые ученые выводят оттуда. Но в остальной лексике айнских по происхождению слов очень мало; самое, пожалуй, известное из них (не считая самого названия народа *ainu*) – *ottosei* («морской котик»). В работах С. А. Старостина не зафиксированы какие-либо заимствования из этого языка в японской базовой лексике. Таким образом, идея о происхождении японцев от смешения айнов с корейцами без учета австронезийцев не соответствует не только современной науке, но и науке начала XX века.

Наличие такого числа ошибок в относительно редких упоминаниях Японии снижает доверие ко всей книге, которая, насколько мне известно, пользуется популярностью и служит источником информации для читателей во многих странах, в том числе теперь и в России. Конечно, автор научно-популярной книги не может быть специалистом во всех затрагиваемых им проблемах, но в перечисленных выше неточностях виден дилетантизм, автор повторяет традиционные, особенно для США, стереотипы. В приведенных примерах видны две особенности, свойственные не только книге Дж. Даймонда, но и многим другим американским публикациям. Во-первых, в них игнорируют науку вне США, особенно науку неанглоязычных стран. Дж. Даймонд, например, говоря о языках Африки, приписывает действительно крупному американскому лингвисту Дж. Гринбергу (1915–2001) все достижения в их изучении вплоть до установления родства языков банту, хотя об этом родстве в Европе знали в XIX веке, а строго доказала его в начале XX века школа К. Майнхофа в Германии. Во-вторых, делается очень большой акцент на генетических исследованиях при недооценке археологических и языковых данных.

Все это снижает уровень, безусловно, интересных американских публикаций, к материалу которых нельзя относиться некритически.